

# ДАРЬЯ КАЛИНИНА

ИРОНИЧЕСКИЙ  
ДЕТЕКТИВ



Суфле из бледной поганки



**Дарья Александровна Калинина**  
**Суфле из бледной поганки**  
Серия «Иронический  
детектив Дарьи Калининой»  
Серия «Сыщики Серафима и  
Арсений на тропе любви», книга 2

*Издательский текст*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=67183763](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67183763)*

*Суфле из бледной поганки: Эксмо; М.; 2022*

*ISBN 978-5-04-165355-2*

### **Аннотация**

«Суфле из бледной поганки» – новый роман одной из самых популярных российских авторов в жанре иронического детектива Дарьи Калининой. Из-под пера писательницы вышло около двухсот смешных детективов!

Новинка продолжает цикл книг о Серафиме, которая проявляет свои незаурядные детективные способности, чтобы очаровать симпатичного следователя Арсения.

Перед Фимой стоял сложный выбор – чем же покорить участкового Арсения, кулинарными талантами или своими детективными способностями? Тем более что и расследование подвернулось – сосед Фимы Анатолий Петрович отравился

ядовитыми грибочками, а его жену Татьяну пристукнули молотком. Фима готова разыскивать преступника, ведь перед смертью Таня очень просила привезти ей разорванную банкноту, на которой скрывается код к запрятым сокровищам...

# Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	42
Глава 4	61
Конец ознакомительного фрагмента.	72

**Дарья Александровна  
Калинина**

**Суфле из бледной поганки**

© Калинина Д.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

# Глава 1

Утро для Фимы началось с неприятностей. Разбудил ее звонок из института, вырвал из объятий сладкого сна, где она уже шла к алтарю под руку с любимым, но на полпути вынуждена была прервать церемонию и проснуться, не досмотрев ее до конца.

И это была первая неприятность, следом за которой сразу же последовала вторая. Звонила куратор их группы, которая интересовалась, когда Фима собирается сдавать хвост по информатике и собирается ли вообще его сдавать в этом году. Потому что, если не собирается, то ведь все равно придется, иначе диплома не видать.

Фима, хоть и была спресонок и вообще только что потеряла жениха, но вполне бодро соврала кураторше, что у нее уже все на мази, договоренность с преподавателем достигнута, осталось донести сущую малость, и все будет в порядке.

А затем юркнула обратно под одеяло, силясь скрыться под ним от страшной правды, которая заключалась в том, что про долги по информатике она за лето совершенно забыла. И там у Фимы не то что на мази, там у нее еще и конь не валялся.

Все лето Фиме казалось, что в конце летней сессии они с преподавателем по этой дисциплине нашли общий язык и пришли к какому-то устраивающему их обоих соглашению,

но, видимо, это показалось только ей одной.

– Как не хочется этим заниматься! – простонала Фима, ежась под одеялом от подступающего холодка. – Боже мой! Я ведь уже ничего не помню! Начисто за каникулы все из головы вылетело! Хотя бы что-нибудь другое было, а не эта проклятая информатика!

И Фима попыталась еще немножко вздремнуть. Но теперь у нее вздумала разболеться голова. Каждое упоминание о несданном долге вызывало у Фимы именно такую реакцию.

– Все равно! – упрямылась Фима. – Буду сейчас спать.

Не успела она закрыть глаза, как раздался чей-то громкий истошный то ли вопль, то ли скрип, от которого Фиму так и подбросило на кровати, а потом за стеной что-то тяжело упало, отчего содрогнулся пол. Затем наступила тишина, которая еще сильнее действовала на нервы, чем отчаянные вопли.

Фима какое-то время еще полежала в кровати, подождала, когда ситуация разъяснится, но все оставалось по-прежнему. И тогда ей волей-неволей, но пришлось подать голос:

– Что такое? Что случилось? Все живы?

Ответа почему-то не последовало. Тем не менее она еще какое-то время полежала, чутко прислушиваясь и надеясь, что все еще обойдется без ее участия. А потом со вздохом спустила ноги и поплелась в обход квартиры.

– Тетя! Братец!

Фима обошла все комнаты, заглянула на кухню и убеди-

лась, что ни в ванной, ни в туалете, ни даже на балконе ничего нет. Вся мебель стояла на своих местах, и упавших вещей вроде бы не наблюдалось. Павлик был в школе. А тетушка Римма еще вчера говорила, что собирается в гости к приятельнице, они будут тестировать какой-то новый чудо-массажер, который должен мигом сбросить с их плеч весь груз прожитых лет и превратить их чуть ли не в юных девочек.

– Значит, – заключила Фима, – это не у нас кричали и падали.

Но тут же Фима задумалась. Если не у них, то где? И почему кричали? И самое главное, почему вдруг замолчали?

За одной стеной жила пожилая внешне очень добропорядочная супружеская пара, она помоложе, он постарше, но они вроде бы на все лето уезжали на дачу и в этом сезоне в город еще не возвращались. А за другой стеной жила большая семья: папа, мама, старый дед, который разводил певчих канареек, и двое мальчишек десяти и двенадцати лет. Парни были для своего возраста очень крупные и рослые, но при этом какие-то удивительно неуклюжие. По лестнице неслись, топоча ногами-копытами так, что дрожал весь дом, и всем соседям при этом казалось, что сейчас у них обвалится либо пол, либо потолок.

– Наверняка это кто-нибудь из пацанов и грохнулся.

И успокоившись на этом, Фима решила позавтракать. Но тут ее поджидал очередной неприятный сюрприз. Ни кофе, ни молока, ни яиц в холодильнике не обнаружилось. А зна-



чит, ей нечем было позавтракать. Фима была в вопросе завтрака весьма консервативна, обязательно заварной кофе и обязательно с молоком. Основным блюдом могла быть каша, а могла быть яичница или омлет. Но без них можно было и обойтись, а вот без кофе никак.

– Безобразие! – заключила Фима, облазив все полки на кухне и убедившись, что кофе у них имеется только растворимый, та еще гадость.

Помимо этого, имелось какао, которое братец наворачивал прямо ложками из банки. Был кофе из цикория, который купила тетя Римма, когда ей в очередной раз показалось, что ее организм нуждается в курсе оздоровительных мероприятий. И был чай нескольких сортов в пакетиках и россыпью. В холодильнике нашелся даже початый пакет виноградного сока, но ничего из этих напитков Фиму не устроило. Ее организм желал кофе, а все прочее отвергал.

В итоге Фима соорудила бутерброд с колбасой и из чистого упрямства сделала глоток чаю, от которого у нее немедленно свело желудок. Колбасы организм тоже не желал. И Фима поняла, если она хочет, чтобы жизнь как-то стала налаживаться, ей придется сходить в магазин.

Она наспех оделась и даже не стала причесываться. До красоты ли тут, когда прямо на глазах рушится весь привычный уклад дня!

Но, выходя из квартиры, Фима замешкалась. А все потому, что ей слышались какие-то подозрительные звуки на

лестничной клетке. Там то ли чихали, то ли фыркали, к тому же раздавалось шарканье и тяжелое дыхание. В общем, это были совсем не те звуки, с которыми хочется иметь дело. И Фима приникла к дверному глазку. К ее удивлению, в него она ничего не увидела.

Обзор заслоняла дверь соседской квартиры, той самой, в которой жили пожилые, очень приличные на вид супруги. Главное достоинство этих соседей, на взгляд девушки, заключалось в том, что оба они были то ли глуховаты, то ли несоразмерно интеллигентны, а потому никогда не жаловались на тот шум, который иногда поднимали Фима с Павликом. Правда, всякая медаль имеет свою обратную сторону, так и телевизор супруги предпочитали смотреть с повышенной громкостью. Но, в конце концов, спать они ложились рано и, кроме новостей, почти ничего не смотрели. Так что шум за стеной можно было воспринимать как своего рода информационный фон. Была же раньше у многих людей привычка жить с постоянно включенным радио. К тому же все лето супруги проводили где-то за городом.

– Вернулись! – сообразила Фима. – Наверное, когда вещи заносили, что-то у них упало.

Но тут соседская дверь закрылась, и Фима получила обзор всей площадки. К ее удивлению, там сейчас копошились вовсе не их соседи, а двое совершенно незнакомых ей людей. Мужчина и женщина, которые, кряхтя и надрываясь, волокли вниз по лестнице какие-то баулы. Оба они выглядели до-

вольно молодыми, и на чету соседей совсем не были похожи.

В первый момент Фиму охватила паника. Караул! Батюшки светы! Воры! Забрались в отсутствие хозяев в их квартиру и вынесли все ценные вещи! Но тут же она вспомнила, что квартира соседей стоит на сигнализации. И случись такого рода несчастье, что к ним забрались бы воры, тут бы уже ошивалось все их полицейское отделение, плюс ребята из вневедомственной охраны носились бы взад и вперед. Такое уже пару раз случалось, когда кто-то из супругов по рассеянности забывал снять входную дверь с сигнализации.

И все же Фима решила проявить бдительность, выглянула на площадку и поздоровалась:

– Здравствуйте!

Мужчина с женщиной словно бы ее не слышали. Тяжело нагруженные, они продолжали спускаться вниз. И Фиме не оставалось ничего другого, как вернуться к себе. Но все же настроение у нее окончательно испортилось. Она не понимала, что происходит, и это ей не нравилось. Но в то же время она знала, что поделать тут ничего нельзя, не звонить же в полицию по всякой ерунде, а потому не стала забивать себе голову чужими делами, взяла деньги и отправилась в магазин за кофе и молоком.

Но внизу у подъезда она снова столкнулась с этой парочкой. Теперь они крутились возле своей машины, стремясь запихнуть в открытый багажник последние принесенные ими баулы. Машина и так была уже битком забита, вещи не по-

мешались, муж с женой нервничали и переругивались.

Почему-то Фима сразу же подумала, что это супруги. Почему? Наверное, потому что они грызлись между собой так увлеченно и в то же время буднично, как это может происходить только у семейной пары, давно и прочно состоящей в браке и успевшей за это время жутко надоесть друг другу и в то же время привыкнуть к тому, что рядом есть тот, на кого можно сбросить отрицательные эмоции.

– Не ставь эту белую сумку сюда! – зудела супруга. – Тут у тети Тани книги сложены.

Муж не слушал и делал, как было удобно ему, что вызывало у супруги новый приступ гнева.

– Что ты делаешь! Белую на черную нельзя!

– А что такое? У твоей тетки какие-то предпочтения?

– У нее в черной сумке весь наш фарфор сложен. Ты же его книгами раздавишь!

Супруг в ответ проворчал, что тетка Таня должна быть безмерно довольна и счастлива, что кто-то вообще озаботился транспортировкой ее книг и фарфора.

– Еще две сумки осталось, а места в машине нет.

– На колени их себе поставишь.

– Еще чего!

– Больше некуда. У меня машина не резиновая!

– Запихай! – потребовала жена. – Вон тот коричневый чемодан вытащи, а сумки поставишь.

– Умные все, как я погляжу. А умней всех твоя тетка. За-

казала бы грузчиков! При ее-то деньжищах!

– Тетя посторонним людям не доверяет.

Фима решила немного притормозить и еще послушать. Она сделала вид, что поправляет застёжку на обуви, а сама внимательно слушала. Фима уже поняла, что это никакие не воры, а родственники ее соседей. Но почему было не послушать, о чем у них шел разговор. Все лучше, чем страдать из-за несданной вовремя информатики.

– Скажи уж проще, – пыхтел супруг, сиюсь воткнуть какую-то картонку, которая никак не хотела вставать на отведенное ей место, – посторонним грузчикам деньги платить нужно, а свои и на халяву поработают. Вечно ты, Юлька, на ее удочку попадаешься. Конечно, я понимаю, тетя твоя – человек глубоко пожилой, а старикам нужно помогать...

– Не забудь, что тете довелось пережить в жизни.

– Но при этом ведь тетя твоя далеко не бедная. И могла бы заказать доставку своих вещей до дачи в службе грузоперевозок. Помнится, я ей давал визитку? Хозяин – мой знакомый, они очень ответственно относятся к своей работе. Ты же помнишь, как они нам шкаф привезли? На нем было три слоя бумаги, а сверху еще и слой пленки.

– Митя, ну что ты, в самом деле. Тут у тети все ее личные вещи, вся ее жизнь, разве можно доверить эти вещи чужим людям. А если потеряют? Или украдут?

– У твоей тетки украдешь, как же! Она сама, кого хочешь, разует.

– Это кого же она разула?

– Да хотя бы дядьку Толю, мужа своего. Не сегодня, так завтра этот бедняга тапки откинет, это уж к гадалке не ходи!

Сердце у Фимы стукнуло. Значит, сосед тяжело заболел! Вот это да! И когда же это случилось? Видимо, летом. Ведь в мае месяце, когда соседи отправлялись на дачу, соседский дедушка выглядел еще вполне жизнелюбиво.

– Тетя помогла скрасить дяде Толе последние годы его жизни, его старость. Он сам так говорит.

– А еще она получит после него в наследство дачку в Комарове, куда нам сейчас и предстоит ехать. Нехилый такой кусочек земли, скажу я тебе!

– Ну и что? Ну и получит, если переживет, конечно!

– Можешь не сомневаться, переживет. У нее богатый опыт. Ведь перед дядей Толей у нее был еще какой-то несчастный, которого она в дурдом запихнула, где он вскорости и помер.

– Если ты про дядю Васю, то они с тетей официально никогда не были женаты. А с головой у него и впрямь было плохо. Тетя тут ни при чем.

– Только до твоей тетки других желающих от него избавиться не находилось. Жил себе мужик потихоньку, а тут такое счастье ему на голову свалилось. Года не прошло, как у него башня окончательно протекла, и он в дурке очутился.

– Так тетя тут никакой выгоды не поимела.

– А до этого еще какие-то бедолаги были, я уж их толком и

не помню. Мы с тобой тогда только познакомились, и первый наш с тобой совместный выход был на похороны очередного бедняги, связавшегося с твоей теткой.

– Если мужья у тети умирали, ее-то вина в чем?

– Она никогда и не скрывала, что выходила за них замуж ради поживы. И нахапала она предостаточно. А ты теперь перед ней выслуживаешься. Надеешься, что тетка тебя в завещании упомянет? Не рассчитывай особо. Она и нас с тобой еще переживет. Все соки высосет и еще лишних несколько лет проживет.

– И вовсе я не из-за завещания. Просто я тетю люблю.

– Угу. Она тебя только не очень-то жалует. Только и вспоминает про нас, когда что-то требуется отвезти или ее куда-нибудь свозить.

– Ты преувеличиваешь.

– Это ты не хочешь взглянуть правде в глаза.

– Митя, правда, ну что ты так завелся?

Женщине надоело спорить, а вот ее муж только вошел в раж.

– Достало! – воскликнул он. – Это тебя она может разводить, сколько ее душе угодно. А я ее насквозь вижу. И я ей сегодня прямо скажу: «Оплатите бензин, тетушка».

– Не смей!

– А вот и скажу! И за работу грузчика с нее денег еще сдеру!

– Если ты так сделаешь, то я с тобой... разведусь!

– Разводись!

– И разведусь!

Супруги хлопнули дверями, каждый со своей стороны, и тяжело груженная машина медленно и осторожно отвалила от бордюра. А Фима смогла распрямиться. Подслушанные ею новости заставили ее задуматься, так ли уж хорошо она знала своих соседей. Получалось, что супругами они стали не так уж давно. И соседка вышла замуж за очередного старичка с корыстными намерениями. Но с другой стороны, какое Фиме до всего этого есть дело? Да, соседа дедушку было жалко, но все-таки он последние годы своей жизни пожил счастливо, этого никто не отрицал. В том числе и недовольный племянник. А может, сосед и еще поживет, никто же не знает своего срока.

Молоко и кофе были Фимой благополучно приобретены. Кроме запланированного девушка прикупила еще всякой мелочи для дома, а на выходе наткнулась на ящики с только что выставленным изумительно вкусным виноградом. В нем почти не было косточек, а его тонкая шкурка аппетитно лопалась на зубах. Крошечные черные ягодки были такими сладкими, что от их сока першило в горле. Некоторые из ягод в грозди уже успели мумифицироваться и превратились в настоящий изюм.

Фима уже покупала этот виноград, хорошо его знала и теперь набила целый пакет, так что тот едва держался. Довольная, она добралась до своего подъезда и тут произошла ката-



строфа. Пакет в руках у Фимы лопнул и начал разваливаться.

Что и говорить, вина Фимы была неоспорима. Винограда она пожадничала, набрала слишком много, а пакеты в магазине в последнее время сделались совсем тонюсенькими. Вроде бы так владельцы торговой сети планировали бороться с загрязнением окружающей среды. Тонкий пластик должен был разложиться куда быстрее своего прочного товарища. Так это или нет, но иногда пакет начинал разлагаться прямо в руках у покупателя, который не успевал донести его даже до дома.

Нечто в этом роде случилось и с Фимой. Она давно уже чувствовала, как тонюсенькие ручки пакета угрожающе растягиваются, превращаясь в откровенные ниточки. Но все же надеялась, что сумеет добраться до дома прежде, чем случится катастрофа.

Не сбылось. Фима шла и понимала, что ручки все сильнее утончаются и растягиваются, впиваясь в кожу рук. И если она не хочет, чтобы все ее покупки оказались на земле, нужно срочно что-то предпринять. Для начала надо было просто перевести дух.

Фима отошла в сторону и оказалась как раз на том месте, где прежде стояла машина Юли с Митей. Часть покупок ей удалось из рвущегося пакета переложить в правую руку, часть она зажала под мышкой, а оставшийся вес непрочный пакет должен был выдержать. Идти-то ей оставалось всего несколько шагов.

Но когда Фима уже закончила и направилась к себе, ее взгляд внезапно уперся в большую сумку с ручками, одиноко стоявшую возле ограды, отделявшую придомовый скверик от проезжей части.

— А это еще тут откуда?

Как у всякой жительницы крупного мегаполиса, у Фимы был прочно на уровне подсознания закрепленный рефлекс насчет всяких там подозрительных одиноких сумок. В мозгу немедленно загудела тревожная сирена. Девушка отлично знала, что в таких случаях нужно поискать хозяина, а если таковой не найдется, то звонить в полицию. Мало ли что там в этой сумке может... тикать.

Но в данном случае сумка выглядела как-то очень уж прилично, чтобы оказаться бомбой. В таких прочных брезентовых сумках еще дедушка Фимы носил картошку с овощебазы. Сумка была заслуженной, с прочными перевязанными веревочками ручками.

Фиме как-то сразу стало неловко за свой несуразный пакет, который даже одноразовым-то назвать было нельзя. Эта сумка была старше самой девушки и, что самое неприятное, имела все шансы пережить ее.

— М-м-м...

Любопытство одолевало Фиму со страшной силой. Она прекрасно знала, что чужую оставленную без присмотра сумку нельзя трогать и даже приближаться к ней нежелательно, но все-таки делала один шагок за другим.

Впрочем, сумка и не собиралась делать секреты из своего содержимого. Внутри нее оказались туго набиты старые журналы. Фима сумела разглядеть нарядную обложку журнала «Коневодство и конный спорт» и простенькую «Звезды», последние номера издания которого не так давно сгорели в их дачной печке.

Старые еще советской поры журналы. Старая сумка той же эпохи. Какие-то старики куда-то переезжали или наследники освобождали квартиру.

И Фиму осенило:

– Да это же племянники моих соседей сумку забыли!

Ничего ценного в этой сумке явно не было, и Фима решила, что может спокойно оставить ее тут стоять и дальше.

Она вернулась к себе, заварила себе кофе и с удовольствием напилась. Потом вымыла темные грозди винограда и красиво уложила их в хрустальной вазе. И напоследок избавилась от прохудившегося пакета, с отвращением скомкав его и сунув в мусор, пусть отправляется туда, куда ему и дорога.

Все это время, возясь по хозяйству, Фима поглядывала в окно. Стоит ли там еще сумка?

Сумка стояла. Никто не покушался на нее, и все же Фима переживала.

– А если унесут чужие люди? Неудобно получится. Вроде бы видела и могла предотвратить кражу, а не захотела.

Фима пыталась заняться информатикой, к чему ее призывала как совесть, так и голос куратора их группы. Но в голо-

ву по-прежнему не лезло ничего, кроме этой чужой сумки.

– Нет, я так больше не могу! Что это такое! Сосредоточиться не дают человеку!

И вскочив из-за стола, за которым она занималась, Фима полетела опрометью вниз, где схватила сумку и поволокла ее к себе. К оградке она прикрепила записку, в которой уведомляла, что данная сумка находится в квартире ближайших соседей тети Тани.

– Если вернутся племянники, то они поймут, у кого искать свою пропажу. А чужой человек вряд ли догадается, даже если и прочтет записку.

На этом Фиме бы и успокоиться, но нет, противный зуд все сильнее одолевал ее. Когда сумка стояла на улице, девушку лишь слегка подмывало покопаться в ней. Но теперь сумка оказалась в непосредственном ее распоряжении, и от зуда буквально чесалось все тело. В носу чесалось, так что хотелось чихнуть. Глаза, как их ни уговаривала Фима, то и дело возвращались к тому месту, где стояла сумка, а ноги сами несли Фиму все ближе и ближе. Но особенно сильно чесались у девушки руки, и зудела ее пятая точка. Последняя, похоже, так и вовсе буквально изнывала от желания найти на себя очередную порцию приключений.

И Фима против этого зуда не устояла.

## Глава 2

С каким-то вороньим карканьем, напугавшим даже ее саму, она подскочила к добыче и в мгновение ока распотрошила ее. Попросту вывернула все содержимое сумки прямо на паркет и начала рыться в журналах без всякого почтения к их почтенному возрасту и старости.

Очень скоро Фиме стало очевидно, что ничего ценного вся эта макулатура собой не представляет. Журналы были ветхими, страницы помяты, заляпаны пальцами или сильно потерты. Сразу было видно, что журналы много и полноценно читали, скорей всего, их передавали из рук в руки, и лишь затем они вновь вернулись к своим владельцам.

Фима была в полнейшем недоумении:

– И зачем это кому-то может быть нужным?

Помимо ветхости у этих журналов был и другой минус. Тут были разрозненные номера, а не целые подписки. Подобранные по годам и в лучшем состоянии эти журналы еще могли чего-нибудь стоить. Но номер от июля 1982 года и номер за октябрь 1983-го никак между собой не сочетались, а потому цена их была совсем невелика.

– Зачем же племянники все это потащили с собой? Прямой путь этому барахлу на помойку.

Хотя у пожилых людей частенько бывают очень странные представления о том, что является ценным. Возможно, что

тете Тане эти разрозненные номера журналов были чем-то дороги, поэтому она и настаивала, чтобы племянники привезли их к ней на дачу в Комарово вместе с книгами, фарфором, бельем и одеждой. Хотя тете Тане было не так уж много лет, она была несколько моложе своего супруга, который, в свою очередь, дряхлым старичком тоже не казался. Если и пенсионеры, то молодые, и зачем им это старье?

От нечего делать и, главное, чтобы не возвращаться к информатике, Фима взялась перелистывать страницы. Она пыталась читать, но бумага сильно пожелтела, став почти коричневой, а чернила, напротив, выцвели, так что разобрать текст можно было разве что с лупой.

Но листая страницы журналов, Фима неожиданно увидела, как на пол спланировал небольшой кусочек бумаги, а за ним еще и еще один.

Наклонившись, она подняла банкноту достоинством в десять рублей, а потом еще четвертак и полтинник. Десятка была оранжевой, четвертак фиолетовым, а полтинник благородно-зеленым. Это были советские деньги, которые Фиме довелось повидать лишь на картинках в учебниках истории. Тем не менее она сразу их признала и с увлечением принялась листать журналы дальше.

– А вдруг найдется что-нибудь еще!

И журналы ее не подвели. Их страницы оказались буквально нашпигованы банкнотами самых разных достоинств. И тут были не только советские деньги, попадались и ассиг-

нации царских выпусков, и какие-то иностранные банкноты. Это была чья-то коллекция, и Фиме очень хотелось бы понять хотя бы примерную ее стоимость.

– Ну... так-с... – прошептала она, придвигая к себе экран ноутбука. – Посмотрим, что нынче дают за эти бумажки.

Сайтов, занимающихся оценкой бумажных ассигнаций, было очень много. Все они давали дельные рекомендации, с помощью которых можно было бы оценить ту или иную банкноту. И очень скоро Фима поняла, чтобы найти действительно уникальную бумажку, которая стоит миллионы, ей предстоит перелопатить всю коллекцию. Потому что выяснилось, одна-единственная буковка могла сделать банкноту дорогостоящим раритетом. Но чтобы найти эту закорючку, нужно было быть либо крупным специалистом, чтобы знать, куда смотреть в первую очередь. Либо надо было потратить уйму времени, которым Фима не располагала.

Будильник давно уже призывно позвякивал, намекая, что хозяйке недурно бы выдвинуться из дома.

– Пора идти в институт.

Так и не сумев разбогатеть, Фима отправилась в путь.

В институте Фима провела две незабываемые пары, из которых поняла следующее: фармхимия и биоорганика – это вещи, к которым нельзя относиться легкомысленно.

Это Фиму немного огорчило, потому что по природе своей она не была человеком серьезным. Да еще прошлогодняя информатика, которая тяжким грузом лежала на ее плечах

и вновь о себе напомнила.

Чтобы отвлечься, Фима зашла с Лизой и Дианой – двумя ее приятельницами – в кафе, где поделилась с ними своей сегодняшней находкой.

Девчонки вытаращили на нее глаза.

– Да ты что! Эти бумажные деньги стоят целое состояние!

– Ни фиги себе подобного! Я посмотрела в интернете, не больше трехсот рублей за ассигнацию.

– Боны, – важно произнесла Диана. – Такие коллекционные купюры называют бонами. А науку – бонистикой. Я знаю, у меня есть дядя, который собирает боны. Если хочешь, я попрошу его оценить твою находку.

– Вообще-то я не уверена, что имею право. Эти журналы оставили мои соседи.

– Оставили потому, что они им не нужны!

– Может, они за ними еще вернутся.

– Как же! Жди! Выкинули! До помойки лень было тащить, вот они и оставили у дороги, вдруг кому-то понадобится.

– А тебе и понадобилось. Если продать эту коллекцию знающим людям, то можно получить неплохой навар. Погуляем!

Девчонки так воодушевились, что Фиме было неудобно их разубеждать. Она так радовалась каждой возможности сдружиться с этими девочками, что сейчас ни за что не стала бы отказываться от их советов. Лизе с Дианой не составило большого труда уговорить Фиму, и она пообещала, что сего-



дня же свяжется с дядей Варлаамом, большим знатоком бонистики.

В метро девочки отправились к себе, они снимали на двоих квартиру где-то в Автове, а Фима поехала к себе. Ее снова стали терзать смутные сомнения, правильно ли она поступила, присвоив коллекцию старых журналов вместе с начинкой себе.

– В конце концов, я же еще ничего не продаю. Только оценю. А если там окажется что-то стоящее, пусть наследники сами занимаются продажей.

Поднимаясь к себе на этаж, Фима слышала голоса. Возле квартиры тети Тани снова крутились какие-то люди с сумками.

На сей раз это были трое мужчин среднего возраста, а вот сумки были гораздо меньшего размера. И все же по паре сумок у каждого из них в руках очутилось.

Увидев спускающуюся ей навстречу процессию, Фима замерла.

– Вы... вы кто такие?

Мужчины попросту не обратили на ее вопрос внимания, занятые разговором друг с другом.

– Похоже, Толя все наши семейные реликвии к себе в Комарово отвез.

– Да нет, Маринка говорила, на даче у них ничего такого нет. Это Танька подсуетилась. Либо сама приезжала, либо родственников своих прислала, чтобы вывезли, что подоро-

же.

– Вот жадная бабеха! – ругнулся один из них. – Мало того, что квартиру и дачу к своим рукам прибрала, она еще и наши семейные реликвии умыкнуть умудрилась.

– Бронза! Серебро! Картины! Вывезли!

– Не трави душу!

– Говорил я вам, сразу нужно ехать. Как узнали про смерть Толи, сразу надо было на крыльях лететь. А вы заладили, куда торопиться, после работы устали, сначала отдохнем, поужинаем дома нормально, пробки переждем, поедем и спокойно все заберем. Дождались? Отдохнули? Вот теперь собирайте крохи, что Танькины прихвостни не доели.

– Мужики! – раздался голос сверху. – Вы там не задерживайтесь! Отнесли и быстро назад. Я тут для вас еще несколько тючков приготовила.

Из раскрытой двери тети Тани выглядывало женское лицо. И Фима поняла, что очистка квартиры продолжается. Только на этот раз тут орудовали родственники не тети Тани, а почившего ее супруга, дяди Толи.

Как жалко, значит, он все-таки умер! Интересно, что за болезнь унесла этого полного жизни дядечку?

Фима задержалась у приоткрытой двери, не удержавшись и кинув один любопытный взгляд внутрь.

В коридоре на полу и впрямь стояло несколько тюков, а из дальней комнаты слышалось пыхтение, словно там кто-то возился с какими-то тяжелыми предметами. Потом в ко-

ридоре появилась этажерка, которую выталкивала та самая родственница дяди Толи.

– Неужели мебель тоже вывезут? – удивилась Фима. – Впрочем, если это их фамильные стулья...

Она еще немножко помедлила и вежливо поздоровалась с вернувшимися мужчинами, но они снова не обратили на нее внимания. Взгромодили на себя приготовленные тюки и поволокли их вниз. Потом дошел черед и до этажерки, до каких-то шкафчиков, и даже стол эта команда унесла вниз. Стол был красивый, с резными ножками, но вот стульев к нему не прилагалось. Видимо, стулья были куплены тетей Таней, и на них родственники ее мужа претендовать не стали. Вместо этого они поволокли вниз компанию пуфиков, обитых потрескавшейся от времени разноцветной кожей.

Фима растерялась. Что ей делать? Отдать коллекцию журналов этим людям? Но вдруг эти журналы принадлежали не дяде Толе, а его супруге? Тогда как?

– Рискну, – решила она. – А вдруг?

Но когда она возникла в дверях чужой квартиры со стопкой потрепанных журналов, то никакого понимания не встретила.

– Оставили журналы? – равнодушно переспросила занимавшаяся упаковкой женщина. – Ну, если им не нужно, то нам и давно эта макулатура не надобна!

– Но я подумала, вдруг ваш родственник их собирал?

– Кто?

– Дядя Толя. Тут и деньги между страницами лежат.

Тетка оживилась:

– Какие деньги? Покажи!

Но, увидев советские десятки, мигом сникла.

– Видать, Танька или кто-то из ее бывших муженьков в свое время денежки в этих журналах припрятал, да потом забыл, так и оставил их лежать.

– Значит, журналы и эти деньги вам не нужны? Вы от них отказываетесь?

– А что на них теперь купишь? Ничего и даже меньше. Оставь их себе, если хочешь.

И женщина вернулась к своим делам, пакуя те вещи, которые считала более или менее ценными.

Фима попыталась расспросить ее о том, что же случилось с дядей Толей, но женщина и сама знала мало. Фима лишь поняла, что те трое мужчин, которые сейчас таскали вещи и мебель вниз, были братьями ее почившего соседа. Один из них был родным, второй двоюродным, а третий даже троюродным. Кому-то из них женщина приходилась супругой.

– А как вы узнали про кончину дяди Толи? – приставала к ней Фима. – Вам его жена позвонила?

– Как же! Жди от нее! Маринка звякнула. Соседка Толина по даче. Они сто лет бок о бок живут, знают всю подноготную. Вот она и смекнула, Толя помер, значит, наследство пришла пора делить.

– А отчего же он умер? Он болел?

– Ни одного дня болен не был. Я сама с ним третьего дня разговаривала. В лес за грибами ехать собирался. А сегодня во второй половине дня Марина позвонила и сказала, что Толю в больницу увезли, где он и скончался.

– Какой ужас! А отчего? Не сказали?

– Кто же его знает. Может, инфаркт, а может, тромб оторвался. Пока вскрытие не сделают, полной ясности не будет. Лично я думаю, что это Танька ему каких-нибудь капелек подлила. Маринка говорила, что у Таньки еще до Толи то ли три, то ли четыре мужа были, и все раньше ее на тот свет отъехали. А Толя, он мужик крепкий был, с чего ему помирать? Жил себе, жил, а как с Танькой этой связался, так и помер!

– Но они прожили вместе не один год.

– Десять!

– Вот видите.

– А чего тут видеть? Просто Танька осторожничала. Не стала сразу Толю травить, а выждала. Убедилась, что наследники возле него не крутятся, на всякий случай еще и завешание для себя потребовала написать. Хорошо, что он отказался.

– Почему же он отказался?

– Потому что не совсем кретин! Я сразу Толе сказала, что он сильно рискует, что с такой бабехой связался. Но когда у мужика в одном месте свербит, станет он разве умные советы слушать?

И женщина махнула рукой. Пришедшие мужчины тоже не пожелали возиться со старыми журналами, они и так были уже все в поту, таская тяжелые предметы вниз. А тут их еще ждала очередная ноша, что вызвало раздраженные вопросы, так что Фима предпочла удалиться.

Уже вернулась из гостей тетя Римма, и явился братец Павлушка, своей семьей они вкусно и душевно поужинали чашушули, приготовленным тетей Риммой – почитательницей кавказской кухни. А за соседской стенкой все еще происходила суета. К дому подогнали мебельный фургон, в который родственники загружали мебель. Похоже, они твердо решили оставить наглой Татьяне одни лишь голые стены. Это было для них делом принципа, и где-то Фима их даже понимала.

Грузовая машина уехала лишь около одиннадцати часов вечера. Уже давно стемнело. Загорелись уличные фонари. И в свете одного из них Фима заметила под кустами у дома какие-то странные предметы. Их там точно не должно было быть.

Приглядевшись, Фима заметила какой-то блеск и спустилась вниз. Точно! Под кустами сиротливо приткнулись те самые три пуфика, которые мужчины вынесли одними из первых.

– Почему же вас не взяли, бедненькие? Забыли, наверное. Но оставлять старую мебель на улице, где в любой момент мог пойти дождь, было нельзя.

Фима крикнула Павлика, и вдвоем они подняли пуфики к себе в квартиру. Тетушка Римма отнеслась к их появлению критически.

– Обивка старая, потерлась сильно и местами даже потрескалась. И хотя это натуральная кожа, вид у них не ахти.

И тут же ударилась в сентиментальные воспоминания:

– Помню, у моей знакомой девочки – Сонечки дома стоял рояль, за которым она занималась, и возле него был похожий пуфик. Кожа тогда была мягкой и краски яркими. Какие-то восточные мотивы, что неудивительно, потому что пуфики производства Индии. Но даже тогда они стоили недорого, сейчас, я думаю, их стоимость равно примерно ничему.

И ушла к себе, заявив, что пуфики нужно попытаться вернуть владельцам, а то получится, что они их украли. И было бы еще из-за чего рисковать своей репутацией, а то сначала коллекция журналов, а теперь еще и это.

– Увидят, что мы к себе старье тащим, ославят на весь мир. И вообще, тащить всякое старье к себе в дом – это плохая примета. Чтобы завтра же духу от них в нашей квартире не осталось!

Фима с Павликом лишь переглянулись.

– Я их в Комарово на себе не попру! – предупредил Павлик сестру. – На меня даже не рассчитывай. У меня завтра входная контрольная по русскому языку. Если я не явлюсь, то русичка станет думать, что я ее урок нарочно прогулял. И страшно мне отомстит. Характер у нее вредный, а впереди

еще целый учебный год. Не собираюсь я его себе портить из-за каких-то тупых пуфиков!

У Фимы в институте завтра был свободный от пар день, но ей тоже не улыбалось тащиться в Комарово. Однако утром тетушка Римма напомнила, что судьбу пуфиков необходимо решить.

И категорично заявила:

– Либо они остаются у нас и мы несем их в мастерскую, чтобы привести в приличный вид, либо возвращаем владельцам, либо путь этим трем доходягам на мусорку. Но в таком состоянии в нашем доме они не останутся!

– И как же быть?

– Я не знаю. Вы притащили в дом чужие вещи, вы и думайте, как нам теперь быть. Но предупреждаю, если Татьяна вернется и обнаружит у себя в квартире пустые стены, а у нас в доме заметит собственные пуфики, может получиться очень некрасиво. Попахивает даже вызовом полиции.

– Если они ей нужны, мы их ей вернем.

– Лучше уточнить этот момент заранее, чтобы не держать чужое старье у себя дома невесть сколько времени. Вполне возможно, что вдова после смерти супруга решит сменить обстановку, развеяться. Уедет в дальние страны, а вернется не скоро. Лично я так бы на ее месте и поступила. Если бы у меня умер муж, то я отправилась бы в путешествие! Что может быть лучше постоянно меняющейся картинки за окном. Обилие новых людей, впечатлений, возможно, даже роман-



тическое увлечение, что хоть и не поощряется общественной моралью, но зато сильно утешает в час скорби.

К слову сказать, собственного мужа у тетушки никогда не было, но рассуждала она сейчас так, словно вдовела по меньшей мере раз пять.

Павлик давно умчался в школу, а вот Фима осталась наедине с тетушкой. Старушка была по части пуфиков настроена непреклонно. Избавиться от них и как можно скорей!

— У меня где-то был адрес этой их дачи, если я его найду, ты съездишь?

— Ну...

— Заодно разузнаешь, что там на самом деле случилось с Толей. Все-таки не чужой, с его матерью Марьей Григорьевной мы друг другу немало крови выпили.

Фима припомнила, что раньше за стенкой и впрямь жила старушка, которую так и звали. Была она маленькой, аккуратной и безупречно подтянутой. Аккуратная стрижка на тщательно покрашенных волосах. Легкий макияж. Стройная фигурка. Марья Григорьевна была человеком глубоко пожилым, но следила за своей внешностью получше, чем иная молодежь.

— Я ее помню. Она даже мусор выносила в брючном костюме с галстучком.

— Ты была маленькая, а вот я с ней много общалась. И даже на их даче в Комарове случалось, что гостила.

— А куда она делась потом?

– Шейку бедра сломала. Неудачно упала и вот...

– Это сейчас лечится.

– Конечно, была операция. Толя оплатил дорогостоящий швейцарский протез, но за больной какое-то время все равно нужен был уход, и Толя забрал маму к себе. Нанял для нее сиделку, потом еще и еще одну, всех их Марья Григорьевна чудовищно третировала, характер-то у нее был очень непростой. Эту квартиру Марья Григорьевна сдавать сыну не разрешала, так она долгие годы и стояла пустой. А потом Толя приехал сюда снова, но уже вместе с Таней.

– Значит, где-то имеется еще одна квартира, которая ему тоже принадлежит?

– Есть, и отличная! – заверила ее тетушка. – Правда, всего две комнаты, но зато какие они огромные. Квартира находилась где-то на Васильевском острове, я навещала там Марию Григорьевну один или два раза.

Помимо воли в голове у Фимы начался подсчет.

Итак, трехкомнатная «сталинка», двушка в старом фонде, плюс старая дача в Комарове. Цены на недвижимость в последнее время взлетели до небес. Земля в элитном поселке и раньше стоила чуть ли не на вес золота.

Да этот тихий благообразный дядя Толя был богатым человеком! И неудивительно, что его родственники подозревали, его смерть не была естественной.

Внезапно Фиме и самой стало интересно, потянуло разобраться в этом деле.

– Настораживает, что вещи поджидали племянницу тети Тани уже собранными. Ведь когда эти двое таскали вниз баулы, то они брали те, которые уже стояли в прихожей. И значит, они были заранее приготовлены к отправке. Получается, что вдова заранее знала, что муж умрет и ей нужно будет в спешном порядке эвакуировать из квартиры все наиболее ценное?

И опять же, зачем было это делать?

– Если вдова подозревала, что родственники дяди Толи предпримут попытку очистить квартиру от принадлежащих им семейных реликвий и мебели, то ведь квартира доставалась в наследство вдове, и ей куда проще было просто поменять замки. Или даже один замок во входной двери решил бы все дело. У родственников дяди Толи имелись ключи от квартиры, наверное, в свое время их дал им сам дядя Толя, но, столкнувшись с преградой в виде нового замка, к которому у них уже не было ключа, вряд ли они осмелились бы ломать дверь.

В общем, в ситуации были какие-то неясности, которые Фима была бы не прочь выяснить. Хотя бы даже чисто для себя. Но в то же время не будем забывать и про прекрасного участкового Арсения, с которым Фима не виделась уже очень давно. Ее любимый участковый в последнее время сделался вдруг ужасно занятым. Не звонил, не появлялся, и Фима в глубине души надеялась, что новое предпринятое ею расследование вольет свежую струю в их отношения.

– Пока разнюхаю да разведая, а там, глядишь, и в полицию можно будет наведаться.

Эта мысль заставила Фиму повеселеть. Идея с поездкой в Комарово стала казаться куда более стоящей, чем каких-нибудь полчаса назад. Если в Комарове можно нарыть какую-то информацию, с которой не стыдно и перед участковым появиться, то Фима это сделает.

В сладких грезах о прекрасном Арсении, его синих очах и густых черных кудрях, которым позавидовал бы и сам молодой Боярский, девушка доехала до Финляндского вокзала, откуда отправлялись пригородные электрички в Комарово. Но на вокзале оказалось, что она не учла одного момента, пригородные поезда отправлялись строго по расписанию. И до ближайшего поезда в нужном Фиме направлении было еще целых полтора часа.

– А чему вы удивляетесь? – сказали ей в кассе. – Лето закончилось. Теперь поезда ходят утром и вечером, когда людям нужно ехать на работу или возвращаться с нее.

– И что же делать бездельникам вроде меня, которым в Комарово приспичило отправиться в разгар рабочего дня?

– Идите на площадь, там стоят маршрутки. На них и доедете.

И как это она не подумала о таком легком и простом способе добраться до нужного места в кратчайшие сроки.

Нужная маршрутка как раз отправлялась, несмотря на это, народу в ней было немного. Видимо, водитель рассчи-

тывал добрать нужное количество пассажиров по дороге.

До Сестрорецка они долетели очень быстро, пробок на дорогах почти не было. И дальше вырвались уже на ровную Приморскую трассу, которая тянулась вдоль береговой линии Финского залива.

Солнечное, Репино, Пенаты...

– Комарово! – громко объявил водитель. – Кому нужно было Комарово?

Фима поблагодарила и выбралась из маршрутки.

И куда ей теперь? Тетушка Римма объяснила ей путь до дачи дяди Толи от железнодорожной платформы, другого она не знала. Так что у Фимы было два варианта, либо найти платформу и от нее уже начинать свои поиски, либо положиться на милость случая и добрых людей и попытаться разузнать дорогу прямо так.

– Адрес-то у меня есть.

Дача дяди Толи находилась на улице с романтичным названием Цветочная. И Фима не ошиблась, первый же встречный ей подсказал направление, в котором нужно было двигаться. Потом Фима обратилась за помощью к голосовому помощнику, и дело пошло еще быстрее. Теперь ей даже не нужно было ни у кого спрашивать, дружелюбная Алиса сама постоянно направляла ее в нужную сторону.

– Прямо сто метров, потом будет поворот направо.

И никогда не забывала предупредить, когда этот поворот нужно было уже делать. Благодаря отличной сотовой связи и

стабильному интернету проблем ни у Алисы, ни у Фимы не возникало. А вот на собственной их даче Алиса частенько запаздывала с советами и про поворот могла спохватиться лишь спустя добрых полкилометра.

— Вот мы и на месте, — любезно сообщила она Фиме. — До новых встреч.

И отключилась. В этом и есть главный минус всяких там виртуальных помощников, вроде бы они все время тут и все такие из себя полезные, а глянь, и нет уже никого, стоишь одна-одинешенька, и никому до тебя нет дела.

Так и Фима осталась стоять перед домом, толком не зная, что ей следует предпринять дальше. Соваться ей в место, где, предположительно, обитала убийца, было как-то страшновато. А вдруг тетя Таня и впрямь уколошила своего муженька? А теперь вдруг вообразит, что Фима что-то знает про ее делишки или хочет про них разузнать, а ведь Фима и впрямь хочет, да и сыпанет Фиме в питье какой-нибудь отравы.

— И ведь ни одна живая душа не видела, как я искала этот дом и как я в него входила. Станет тетушка Римма меня искать, а эта убийца ей и соврет, что я к ней не доехала. Точку моей геолокации, что ли, ей послать?

Но в итоге Фима решила просто позвонить тетушке и сообщить, что она добралась до места.

Тетушка трубку не взяла, пришлось отправить Павлику сообщение.

«Я уже на месте!»

Потом Фима немного подумала и отправила вдогонку второе сообщение.

«В Комарове!»

Теперь Фима чувствовала себя несколько уверенней, но все же не до конца. И соваться в дом к убийце ей все еще было страшно.

Она решила, что прогуляется взад и вперед вдоль ограды, изучит территорию обитания вероятного противника.

Однако стоило ей сделать несколько шагов, как она услышала негромкий свист.

Оглянувшись, она увидела среднего роста женщину, которая брела вдоль улицы, поглядывая по сторонам и то и дело издавая призывное посвистывание.

– Рыжик! Рыженький! Да куда же ты запропастился!

Но, поравнявшись с Фимой, женщина внезапно прошептала:

– Иди за мной!

И видя, что Фима дернулась, тут же зашипела на нее:

– Да не сразу! Выжди!

Фима растерялась, но так как в фигуре этой женщины не было ничего угрожающего, все же решила последовать за ней. Выждала какое-то время, потом двинулась в том же направлении.

За углом женщина уже ждала ее.

– Приехала? – воскликнула она. – Отлично! Не узнаешь меня?

Фима покачала головой.

– Марина Германовна! – представилась женщина. – Соседка я!

Неужели это та самая Марина, которая предупредила родню дяди Толи о его кончине. Вот это настоящая удача!

Фима даже приободрилась.

Но сама Марина тут же набросилась на Фиму с упреками:

– Чего раньше-то не появлялась?

– Да как-то не знаю...

– Тоже мне! Фифы вы обе с матерью! Не лучше Марьи Григорьевны, мир ее праху! Честное слово, я вас не понимаю! Чего вы тянули? Отца твоего убили, только тогда вы обе и зачесались!

Когда услышала, что ее милого дорогого папочку убили, у Фимы потемнело в глазах.

– Как? Папа... мой папа... – залепетала она, но тут же сообразила, что ее принимают за кого-то другого.

Но соседка все равно была довольна эффектом.

– Любила отца-то? – спросила она у девушки и промокнула глаза платочком. – А уж как он-то в тебе души не чаял! Ну, пойдем ко мне, объясню тебе всю ситуацию!

Фима не стала возражать. Если вначале у нее было сильное искушение сказать, что она вовсе не является родней покойному, то сейчас оно совершенно прошло. Пока эта Марина считает ее дочерью дяди Толи, она будет предельно откровенна с его наследницей. Но стоит ей понять, что перед



ней чужая девочка, и рот захлопнется на замок.

Но до чего же интересно получается, выходит, у соседа дяди Толи в числе наследников помимо его вдовы числится еще и дочь? Вдова, дочь, кто еще?

## Глава 3

Домик у Марины был очень симпатичный и явно недавно отремонтированный. Видимо, когда-то на его месте была старая деревянная дача, которую затем снесли и выстроили прочный и довольно внушительный кирпичный дом, который затем дополнительно облагородили черепичной крышей и прочими радостями сельской жизни. Но как ни хорош был этот дом, а все-таки размерами он и в подметки не годился многим окружавшим его строениям. Вот уж где разгулялась фантазия русского человека! Дома были на самый разный вкус, но все они тяготели к величине и дороговизне.

– Хороший у вас дом. Вы в нем одна живете?

– Сейчас одна. Дети выросли, живут отдельно, работают. Муж тоже на заработках.

– И много у вас детей?

– Трое. Сын, дочь и еще один сын.

– Для такой большой семьи, наверное, и дом нужен побольше. Вот у ваших соседей большие дома.

– Это ты еще на ту сторону, что ближе к заливу, не ходила. Вот там и впрямь много и богато!

Таков уж был девиз, витающий нынче над этим поселком. Скромные литературские дачи былых времен то и дело уступали место нахрапистым каменным монстрам, которые их хозяева, видно позабывшись, ласково называли домами. Од-

но радовало, участки тут были большие, так что размер домов благодаря этому несколько скрадывался и не так сильно бил в глаза.

— У твоего папы домик тоже очень даже ничего. Только в прошлом году закончили строительство. А ландшафтные работы этой весной проводились.

Фима и сама успела отметить, что и дом дяди Толи содержался в порядке, и сад был тщательно ухожен, а большой двор вылизан почти до блеска. Такой идеальной глянцево-чистоты от пролежавшей пару сезонов плитки добиться невозможно. Значит, соседка говорила правду.

— Деньжата у папеньки водились.

— А то ты не знала! Он же тебе каждый месяц по пятьдесят тысяч переводил. Чтобы твое обучение за границей оплатить, квартиру в центре города на Васильевском острове продал!

«Ах, она училась за границей! И второй квартиры уже нет», — мысленно отметила Фима.

Но ничего, у папы Толи оставался еще загородный дом, участок при нем и городская квартира. Есть за что побороться неутешной вдовушке.

— Может, тебе кажется, что это и не так много, — продолжала говорить Марина, — знаю я, какие у вас, у молодых, нынче запросы. Но поверь, моя пенсия составляет ровно половину от пятидесяти косарей. И это еще считается очень и очень неплохой доход.

Нечего приbedняться, уж точно не на свою пенсию Марина содержала этот дом.

В холле женщин встретил небольшой рыжий песик неопределенной дворовой породы, но хорошенький, с умненькой лисьей мордочкой, острыми ушками и загнутым бубликом хвостиком.

Он обнюхал Фиму и на всякий случай пару раз гавкнул, чтобы помнила, что дом и все обитающие в нем находятся под его личной охраной.

– Приблудный, – равнодушно произнесла Марина. – Ничей. Кормлю пока, да он много и не ест.

Марина провела свою гостью на кухню, налила ей огромную чашку густого и пахнущего малиной и смородиной чая, и сама уселась напротив.

– Совсем ты на отца не похожа. Ну, ни капельки!

Такое начало разговора Фиме не понравилось. Если так дело пойдет, то у нее и паспорт могут спросить.

И она поторопилась подтолкнуть соседку:

– О чем вы хотели со мной поговорить?

– Твоим родственникам, да еще по телефону, я правды не сказала, только намекнула им, а тебе скажу прямо. Убили твоего отца! Жenuшка его и прикончила!

Фима сделала вид, что поражена.

– Но зачем ей?

– Ты что, не понимаешь? Наследство! Огромное богатство, которое этой голодранке и не снилось!

– Так уж и огромное. Ну, участок с домом. Ну, квартира в городе.

– Ты меня поражаешь, Катюша! – с чувством произнесла Марина. – Дом! Квартира! Это не просто дом и квартира – это богатство! Все вместе на кругленькую сумму потянет. Другим людям всю жизнь работать и столько не скопить. А тут Танька все к своим рукам прибрать хочет.

– Но я же тоже наследница, разве нет?

– Об этом я и хочу с тобой поговорить. Отец твой от меня тайн не имел. И в последнее время он был очень твоей мачехой недоволен.

– Почему?

– Об этом потом поговорим! А сейчас слушай! У Таньки на руках есть завешание, которое ей твой папенька оставил для успокоения ее душеньки. Там ни про тебя, ни про Кольку ни одного словечка нет. По этому завещанию твой отец все свое состояние твоей мачехе завещает.

Все интересней и интересней! Еще и Колька какой-то выплыл.

Фиму так и подмывало спросить, кто это такой, но она боялась своим неуместным вопросом выдать себя с головой.

– Но после этого несправедливого завещания твой отец неделю назад отправился снова к нотариусу и написал у него еще одно завещание, которым отменялись все его прежние распоряжения. И в этом новом завещании, о котором твоя мачеха ничего знать не знает, он указал наследниками тебя

и Колю!

– Меня и Колю... А Коля... Коля об этом новом завещании знает?

– Ты же не знала! Вот и твой брат ничего об этом завещании не знает.

Значит, Коля – это ее брат! Уже что-то. Но какой брат? Родной или единокровный?

Но вслух Фима задала другой вопрос:

– Получается, что ни я, ни Коля, ни даже тетя Таня – новая папина жена – ничего о его завещании не знаем, а вот вы в курсе? Немного странно, а?

– Ничего тут странного нет! Мы с твоим папой уже сколько лет соседствуем. Дома-то напротив один от другого стоят, только дорога нас и разделяет. Как с твоей мамой он развелся, с тех пор и домик этот прикупил. Сначала Марья Григорьевна тут здоровье свое поправляла, потом Танька эта появилась. Старый дом снесли, новый построили. Танька передо мной все ходила да выпендривалась, мол, какие они крутые. Ничего! Мои дети с мужем тоже денег прислали и дом подновили! Не все Таньке передо мной своим богатством кичиться! Мы и сами с усами!

– А вам она не нравится?

– Танька-то? Была бы порядочная женщина, а так... Она отцу твоему изменяла!

– Ну да?!

– В том-то и дело! И он сам что-то такое почувствовал,

бедненький, и за ней следить стал. И увидел, как она с другим мужиком встречается. На Фрунзенскую к нему мотается, там у ее любовника хата. А мужик-то молодой, не чета твоему батеньке. Анатолий хоть и хорохорился, а все же годов ему уже немало было. Пришел ко мне в тот день, когда правду о своей женушке ненаглядной узнал, я сразу поняла, что-то случилось. Понурый весь такой и говорит, права ты, Мариночка, была. Не стоило мне на Тане жениться. Скучно ей со мной стало, молодого хахаля себе нашла, к нему на квартиру за любовными утехами бегает.

– Но почему сразу за утехами? Может, у них деловая встреча была.

– Ага! У чужого мужика в его квартире? И что это за дела такие, которые нельзя на улице решить?

– Или это родственник какой-нибудь? Не только у папы родня имеется, у этой Татьяны, наверное, тоже родственники есть.

– И почему же она их от мужа прятала? И зачем тайком с ними встречалась?

– Мало ли, что там за родня. Может, она стеснялась таких родственников перед своим мужем.

– Не знаю, может, оно и так, только сдается мне, что ты обелить ее пытаешься. А тебе бы, напротив, побольше компромата на мачеху свою найти, потому что сразу тебе говорю, с новым завещанием она не согласится и в суде его оспорить попытается.

– Значит, папа написал новое завещание под воздействием приступа ревности?

– Да, он сразу же к нотариусу поехал и новое завещание составил, в котором женошке его разлюбезной ничего не полагалось. А все тебе и Коле достаться должно.

Тогда Татьяне убивать своего мужа было не с руки. Хотя она ведь не знала о существовании нового завещания, которое оставляло ее нищей.

– А почему вы все-таки думаете, что Татьяна виновна в смерти папы? Отчего он скончался? Врачи что-нибудь определенное уже сказали?

– Что они понимают, эти врачи! – возмутилась Марина. – Я тебе скажу всю правду! Отравила она его! Утром они за грибочками в лес ездили, четыре полные корзины привезли, я сама лично видела. Потом они пообедали этими самыми грибочками. И все! Умер Толя!

– Как они обедали, вы тоже видели?

– Это Татьяна врачам объясняла, когда они Толю забирали. Кстати, врачи как раз и спросили, не ел ли больной в последнее время грибы. А когда Татьяна подтвердила, они сказали, что похоже на отравление ядом бледной поганки.

– Ой! – испугалась Фима. – С этим грибом шутки плохи.

– Лично я даже не знаю, как он выглядит.

– Не ходите в лес за грибами?

– За грибами хожу. И съедобные все знаю. А поганки мне на что знать? Я их использовать не собираюсь. В общем, что



тут долго говорить, до больницы врачи твоего папочку не до-  
везли, в пути скончался. А сегодня спозаранку к Таньке уже  
следователь приходил. Тут уж все ясно, не так ли? Была бы  
смерть признана от естественных причин, никто бы Таньку  
не дергал. А так ее в отделение увезли, до сих пор домой еще  
не вернулась.

– А вчера к ней кто-нибудь приезжал?

– Племянница с мужем приезжали.

– С баулами?

– Пыталась подсмотреть, да они машину сразу во двор за-  
гнали и ворота закрыли. Не увидеть мне было, что они там  
ей привезли.

Да уж, с такой соседкой и врагов не надо. Всюду нос сунет,  
обо всем полюбопытствует. Положа руку на сердце, не хотела  
бы Фима жить с такой соседкой под боком.

– А племянница приехала до того, как дядя Толя... то есть  
папа в больницу отправился?

– До того!

Довольно самонадеянный поступок со стороны Татьяны.  
А вдруг яд бы еще и не подействовал на дядю Толю? Или  
подействовал, но не в полную меру? И дядя Толя бы не умер,  
а только помучился бы животом, да и поднялся бы на ноги.  
И увидев привезенные с городской квартиры предметы об-  
становки, пожелал бы узнать о причинах такого самоуправ-  
ства своей жены.

Разве что... разве что Татьяна была стопроцентно увере-

на, что муж после ее угощения помрет. А откуда бы у нее могла взяться такая железобетонная уверенность? Только если она раньше уже испробовала это «угощение» на других своих жертвах.

И в голову Фиме полезли непрошенные воспоминания о бывших мужьях Татьяны, которые уже успели отправиться к праотцам. И не с ее ли подачи они это сделали?

– Если следователь уже приходил, значит, разберутся, – вслух сказала она, убеждая не столько Марину, сколько саму себя. – Виновата, накажут.

– Ага! Как же! Жди! – И заговорщицки понизив голос, Марина произнесла: – Если хочешь знать, твой отец еще кое-что про свою благоверную разузнал.

– Что же? Что?

– Она и до него несколько раз была замужем.

– Так и что же с того?

– А то, что все ее прежние мужья умерли! Черная вдова наша Татьяна оказалась! И у Толи возникло желание разобратся, какой же смертью его предшественники покинули сей мир.

– Узнал?

– Не успел!

Фима помедлила с ответом:

– И все-таки странно.

– Что тебе странно, деточка?

– Несколько дней назад папа узнает о неверности своей

жены, для него это должно было стать огромным потрясением.

– И стало! Можешь мне поверить! На нем лица не было, когда он ко мне приплелся!

– Но все равно уже вчера утром они с Татьяной отправляются в лес по грибы, словно бы ничего не случилось!

– Как я понимаю, поездка эта у них была заранее запланирована с еще одной семейной парой.

– С кем?

– Тоже наши соседи. Я их не очень хорошо знаю, а вот Толя с ними много общался. Они должны были ехать на Толиной машине, так что Толе неудобно было отказать друзьям в удовольствии.

– А как зовут этих друзей? Вы их знаете?

– Ира и Андрей. А дом их по нашей улице по моей стороне третий будет. Сходить к ним хочешь?

– Хочу.

– И правда, проведать нужно. Что-то я их ни сегодня, ни вчера вечером не встречала. Может, они тех же грибовков отведали, да и привет? Вот уж Бог меня уберег! Я-то еще расстраивалась, что они поехали, а меня с собой не позвали. А выходит, что оно и к лучшему! Четыре огромных ведра привезли с собой в багажнике. Четыре! Это же сколько грибов, мама родная!

Оставив говорливую тетку радоваться своей везучести, Фима направилась к новым свидетелям.

Дом у Иры с Андреем был гораздо меньше и скромнее, зато на участке имелся еще гостевой домик с банькой и строился еще один дом. Видимо, семья разрасталась, но каждое подразделение предпочитало жить особняком.

На участке никого не было видно. Фима постояла, постучала, покричала, но результата не добилась. Впрочем, перед воротами виднелись свежие следы от машины, наверное, утром хозяева отправились в город на работу.

«Может, к здешнему следователю съездить?» – задумалась Фима.

Но что ей это даст? Она-то приехала, чтобы выяснить, кому отдать забытые вещи. Думала, что вдова ей в этом поможет, разрешит все ее сомнения. Но оказалось, что вдова нынче не наследница, а искать нужно детей дяди Толи, у них спрашивать разрешения, чтобы оставить или отдать им старые журналы и пуфики.

– Кому сказать, так ведь засмеют. Ерундой какой-то занимаюсь. Не нужны эти старые вещи никому. Их оставили, все равно что выкинули. Но ведь тете Римме этого не втолкуешь.

Тетка Римма обладала удивительным упрямством по части приличий. Невозможно было ей объяснить, что синие волосы у девочки-подростка – это вовсе не ужас и катастрофа, а всего лишь легкое колорирование. И что мальчики в легких тапочках в лютую русскую зиму – это не сумасшедших выпустили на прогулку, а просто так модно. И это что касалось внешнего вида, с правилами поведения было все еще

строже. Тут уж тетушка стояла насмерть.

– Чужое – это всегда чужое, – втолковывала она своим обожаемым внучатам. – Даже спичечный коробок, даже упаковка жвачки, хотя приличным девочкам, Фима, и не рекомендуется жевать жвачку, тем более в общественных местах... Нельзя присваивать себе чужую собственность, если не хотите, чтобы потом люди присвоили бы себе вашу.

В общем, нечего было и думать, чтобы оставить пуфики и журналы без уведомления о том их владельцев. И на помойку их снести теперь было невозможно. Тетушка Римма с утра уже успела оповестить соседей, что пуфики и журналы находятся у них. Значит, если вдруг будущие владельцы и наследники заявятся за своим имуществом, это имущество им нужно будет предоставить.

– Уф! И дернула же меня нелегкая тащить это старье к себе в квартиру. Пусть бы валялись там, где их и оставили.

В задумчивости Фима брела по улице, как вдруг услышала:

– А ты и правда дочка Толи?

Она оглянулась и увидела презабавное существо, маячащее над соседским забором. Лохматая давно не чесанная шевелюра, загоревшая дочерна и облупившаяся от солнца кожа лица, заскорузлые руки и неопрятная одежда – все это выдавало любителя выпить и поспать на природе. Мужичку могло быть и сорок, и пятьдесят, и все шестьдесят, выглядел он как-то неопределенно, а разглядеть его черты мешал тол-

стый слой грязи, который покрывал его физиономию. Хотя мужчина был рослый и сложен хорошо, если бы не водочные пары, которыми от него разило за километр, всем был бы хорош.

Надо сказать, что среди чистеньких, аккуратненьких, а порой и богатеньких домиков на этой улице затесалась парочка-другая маргиналов. И вот на участке одного из них и обитала эта фигура.

– Так чего... Правда? Дочка?

Фима подумала и кивнула.

– А твой отец мне денег должен был! – обрадовался мужик.

Судя по его виду, деньги он был должен сам и всем вокруг. Но Фима уже просчитала эту несложную схему. Мужик хотел нажиться на наивной дочке богатенького соседа. Что же, если это будет платой за новую информацию, то она согласна.

– И сколько же папа вам задолжал?

Мужик прикинул ее кредитоспособность и решил, что тут особо не поживишься.

– Да чего уж теперь! На помин его грешной души дашь хоть сколько-нибудь, и будем в расчете.

– Дам, конечно, дам! Но почему грешной? В чем же таком мой папочка провинился?

– А то ты сама не знаешь!

– Мы с папой почти не общались.

– То-то и хорошо, что не общались. Уж научил бы он тебя плохому, родная ты моя.

– Чему же?

– Ты хоть знаешь, как твой отец деньги заработал?

– У него фирма была... бизнес.

Говорить приходилось осторожно, потому что Фима, положив руку на сердце, понятия не имела, чем же промышлял ее бывший сосед.

Но, к счастью, выпивоха и не собирался ее экзаменовать.

– Это уже потом у Толи и фирма, и бизнес появились. А начинал он с того, что отправлял глупышек вроде тебя в бордели Европы. И неплохо на тех девочках зарабатывал. Ну, потом его дельце у него опытные люди отжали, но он недолго горевал, стартовый капитал у него уже накопился, он киностудию организовал, на которой такие же доверчивые дурачки в порнушке снимались.

У Фимы даже челюсть отвисла. Они про одного и того же человека говорят? Вот уж никогда бы не подумала, что тихий и респектабельный дядя Толя в прошлом король порноиндустрии.

Но вслух лишь выдавила из себя:

– И что же тут такого? В те годы многие так зарабатывали. Папа никого не убивал и насильно ни к чему не принуждал.

– Только просто на одной порнушке много не заработаешь, твой папочка фантазию проявил. Количество и состав актеров, участвующих в съемке, все время менял. Инстру-

ментарий всякий разный в кино вводил.

– Эй! А вы-то откуда это знаете?

– Я сам у него в кино снимался!

– Вы?!

Изумление Фимы можно было понять. Вряд ли кому-то в голову могло прийти соблазниться этим чудом, от которого пахло болотом и кое-чем еще похуже.

Но мужик явно обиделся:

– В этом доме съемки и велись. И твоя мать может это подтвердить.

– Что? – задохнулась Фима. – И мама тоже... снималась?

– Она нет, но с твоим отцом они из-за этих съемок и развелись. Твоя мать ворвалась в съемочный павильон как раз в тот момент, когда у нас жаркая сцена с тремя сестричками намечалась. Ох, и орала же она. А потом развелась. Твой-то папенька ей впаривал, что серьезный бизнес у него. А когда она этот бизнес увидела, то терпеть не стала. Не посмотрела, что ты совсем крохой была, развелась с муженьком и тебе с ним общаться запретила.

– Теперь понятно, почему так случилось.

– Ну, а Толя еще какое-то время свою порноиндустрию покрутил, а когда конкуренция стала слишком велика, на что-то другое переключился.

– На что?

– Этого я не знаю. Но не думаю, чтобы что-то хорошее. Гнилой он был человек, твой папаня. Вот и мне денег задол-



жал, хотя у меня у самого дыра в кармане.

И это вряд ли было метафорическим сравнением.

Фима дала ему немного мелких денег, которые завалялись у нее в сумочке для оплаты проезда, и сверху добавила тысячу, больше у нее наличных не было.

– Вы не знаете, где ваши соседи Андрей с Ирой?

– Так уехали они.

– Куда?

– Отдыхать укатили.

– Странно, а Марина сказала, что они дома.

– Врет или ошибается.

– Она моего папу хорошо знала. Наверное, ее муж с ним дружил.

– Какой муж? Сроду у Маринки ни мужа, ни детей не было.

Фима с сомнением покосилась на него. Совсем мозги пропил! Нельзя же так!

– А как вас зовут?

– Стасом меня зовут. Кстати, если хочешь, заходи ко мне как-нибудь в гости, я тебе кино покажу.

Фима невольно улыбнулась:

– С вашим участием?

– Другого и не держим, – с достоинством отозвался этот странный персонаж.

– Нет, знаете, мне тетя в гости к одиноким молодым мужчинам не позволяет ходить.

– Что? И кино посмотреть нельзя?

– Если только одной и потихоньку.

– Понял! Я мигом!

И Стас куда-то исчез. Назад он вернулся быстро, держа в руках кассету от видеомагнитофона.

– Держи свой вечерний киносеанс. Даю слово, что мой подарок тебе понравится. Кстати, тут в кадрах и твой папенька появится. И кое-кто еще из наших общих знакомых.

И захихикав, он добавил:

– Это кино сумеет тебе на многое раскрыть глаза.

И сунув ошеломленной Фиме кассету, повернулся и отправился в путь, конечным пунктом которого обязательно должен был быть либо шинок, либо разливуха. А Фима, с трудом переварив очередную порцию откровений о дяде Толе, двинулась в противоположном направлении. Выкинуть кассету она не решилась, преодолевая отвращение, сунула ее в сумку, радуясь, что нашелся чистый пакетик, в который эту пакость можно было обернуть.

Тихонько двигаясь по улице, Фима не очень-то смотрела по сторонам, а больше плутала в своих мыслях. Но внезапно перед ней выросли две женские фигуры.

Одна Фиме была знакома, это была та самая болтливая соседка Марина. А вот вторую женщину Фима не знала.

Но это не помешало незнакомке уставиться на нее во все глаза и спросить:

– Значит, это ты и есть дочь Анатолия Петровича?

Голос женщины звучал, не сказать, чтобы враждебно, но и дружелюбным его назвать тоже было сложно.

– А в чем дело?

– В том, что ты – обманщица! Дочь Анатолия Петровича – это я!

– Катя?

– Она самая!

– Катя! Вас-то я и искала! Вы уж простите, что я назвалась вашим именем, и впрямь неудобно получилось. Но мы с вашим папой живем в соседних квартирах. Верней, теперь уже жили. Когда мы с тетушкой Риммой узнали, что он умер, то тетушка послала меня сюда, чтобы узнать, как быть с его имуществом, которое у нас оказалось.

Катя молчала. А вот Марина оживилась:

– Так ты племянница Риммы? Прекрасно ее помню. Давно она сюда приезжала, еще Марья Григорьевна жива была.

– А что за имущество? – спросила Катя. – Оно ценное?

– Подшивка журналов времен позднего СССР и три кожаных пуфика.

– И все?

– Все. Но пуфики легко можно привести в порядок. А между страниц журналов кто-то вложил деньги того же периода.

Катя махнула рукой.

– Оставьте их с тетушкой себе!

– А как же вы?

– И сделай одолжение, перестань мне выкать.

– Я имела в виду, а вдруг не только тебе, но и твоему брату понадобятся эти вещи?

– Какому брату? – сначала удивилась Катя, но тут же спохватилась: – Ах, Коле! Да ему ни до чего, кроме его музыки и гастролей, дела нет. Думаешь, он будет пуфики реставрировать или старые бумажки по альбомам расклеивать?

– Я не знаю. А что? Не будет?

– Нет! Не будет! Берите и пользуйтесь на здоровье, я вам разрешаю!

Так бы и закончиться этой истории на этой ноте и вернуться бы Фиме домой, но тут случилось событие, которое послужило поворотным моментом для них всех.

## Глава 4

Пока девушки разговаривали, из-за поворота выползла большая черная машина, которая медленно проехала вдоль улицы и остановилась напротив них. Из машины вышел крупного телосложения мужчина, который окинул компанию из трех женщин высокомерным взглядом и, не произнеся ни слова в знак приветствия, все так же молча направился к дому дяди Толи.

– Э-эй! Гражданин! – окликнула его Марина. – Куда это вы направились? Хозяев дома нет!

Мужчина ни на мгновение не задержался.

– Там все закрыто!

Не обращая внимания на этот окрик, незнакомец подошел к воротам, а дальше случилось нечто удивительное. В руках у мужчины появилась связка ключей, которые он внимательно изучил, словно бы видел их впервые. Затем он выбрал один из ключей и открыл им замок на калитке.

– Это еще кто такой? – удивилась Марина. – Родственник? Катя покачала головой:

– Впервые его вижу.

– Уж не любовник ли Танькин пожаловал?

– А ключи у него откуда взялись?

– Танька сама же ему и дала. Родного мужа на тот свет спровадила, а с любовником жить-поживать намерена! Ни

стыда у нее, ни совести! Хоть бы сорок дней выждала!

– Пойдемте, спросим, кто он такой.

Но идти никуда не пришлось. В этот момент мужчина и сам показался на улице. На сей раз на его лице играла приветливая улыбка, с которой он и подошел к женщинам.

– Добрый день, – поздоровался он с ними с таким выражением лица, словно увидел всех трех женщин впервые. – Не подскажите, тут среди ближайших соседей нет ли человека, разбирающегося в слесарном деле?

– Что? Замок не открывается?

– Совершенно верно, – продолжая лучезарно улыбаться, произнес этот тип. – Не открывается.

– Значит, и не надо ему открываться!

– Как это не надо? – непритворно удивился мужчина. – А как же я иначе попаду в свой дом?

– В ваш дом?

– Вот именно, в мой дом.

– Это когда же вы его купили?

– Вчера утром. Вот копия договора купли-продажи.

И он продемонстрировал им договор, из которого следовало, что Анатолий Петрович Шишаков продает принадлежащий ему дом и земельный участок в поселке Комарово, находящийся на улице Цветочной. А Валерий Александрович Осипов этот дом и участок покупает за семь миллионов рублей. Дата на договоре стояла вчерашняя. А вот сумма неприятно поразила Фиму. Она-то считала, что большой

дом в Курортном районе должен стоять по меньшей мере раза в два, а то и в три дороже. Иначе что же получается, этот тип купил каменный дом с огромным участком, через дорогу побережье залива, по цене двухкомнатной квартиры?

– Да как же это? – разинула рот Марина. – Что же это? Вчера с утра Толя за грибами ездил, вечером его уже в больницу увезли, когда же он дом-то продать успел? Это же небystрое дело.

– Договор подписать много времени не нужно. А бумаги на регистрацию агент отвезла.

– Толя дом через агентство продавал?

– Нет, агент была с моей стороны. А само объявление о продаже было частным. Появилось в сети позавчера утром, и я сразу же за него ухватился. Очень выгодное предложение. Могу вам сказать без утайки, я давно подыскиваю себе дом и в ценах прекрасно разбираюсь. Так вот я купил этот прекрасный дом чуть ли не по цене голого участка. Приехал сюда, будучи в уверенности, что фотографии все врут и меня ждут развалины или горелый остов, но как я погляжу, тут все в полном порядке. Двор ухоженный. Дом целый. Даже дорожки плиткой выложены. Одно плохо, ключи, которые мне вчера дал бывший владелец, не подходят.

Новый владелец дома был в явной эйфории от своей удачной покупки. Но вредная Марина решила ему испортить настроение.

– Вас обманули! – заявила она покупателю. – Это какая-то

афера! Толя не собирался свой дом продавать!

– Уверяю вас, он мне его продал.

– Сейчас вернется его жена, и она подтвердит, что дом не продавался.

– Жена?

Валера слегка поскуchnел.

– Владелец убеждал меня, что не женат. Мы даже специально в приложении к договору указали, что владелец не состоит в зарегистрированном браке.

– Вас обманули! Нужно было тщательней проверять сделку. Анатолий не имел права без согласия и ведома жены продавать этот дом. Теперь вас ждет суд с его вдовой!

– Чьей вдовой?

– Вашего продавца.

– Не понял.

– Анатолий вчера скончался. Подозревают убийство. И кстати, вы тоже теперь в числе подозреваемых.

Это покупателю совсем не понравилось. Он даже улыбаться перестал. И светиться самодовольством тоже стал куда меньше.

– С какой стати меня запишут в подозреваемые?

– А с такой... Деньги-то вы Анатолию наверняка еще не отдали? Вы же не дурак, чтобы отдавать деньги до завершения сделки. А раз он теперь мертв, то и деньги останутся при вас! И еще неизвестно, что там за человек вам дом продавал. Может, это вовсе не Анатолий был. Может, вы вообще



все это придумали, чтобы завладеть чужим имуществом! А Анатолия убили, чтобы он ничего возразить не смог!

Это гражданину Осипову пришлось уж вовсе не по душе. Он заскрипел своими безупречными белоснежными зубами, сжал огромные кулачищи и угрожающе двинулся на Марину.

– Деньги я заплатил! Всю сумму! Анатолий Петрович при мне их пересчитал, сказал, что все правильно. Все деньги были в пятитысячных бумажках. И он сложил их в синюю сумку, которую забрал с собой! Так что нечего мне тут лепить, что дом не мой! Он мой! Я за него заплатил!

Вид у мужика был такой зверский, что Фима с Катей испуганно пискнули и спрятались за спиной у Марины. Но сама Марина стояла непоколебимо, словно скала.

– Не пугай, – произнесла она. – Я уже и так жизнью пуганная! А сделка это явно мошенническая. Не знаю, кто вы сами такой будете – жертва или главный злодей, но вряд ли у вас получится завладеть этим домом. Тут есть хозяйка, она скоро вернется из полиции. И помимо нее у покойного Анатолия есть двое наследников-детей.

И она почему-то ткнула пальцем в сторону Кати с Фимой, хотя Фима к наследству никакого отношения и не имела.

– Они вправе оспорить сделку как неправомерную и наносящую ущерб их материальному благосостоянию. Вы же сами сказали, что купили дом и землю задешево. А такая низкая цена всегда подозрительна! По виду вы деловой человек, неужели сами этого не понимаете? Или жадность обу-

яла? Увидели поживу и схватили, не глядя?

Услышав такие упреки в свой адрес, Осипов вновь сделался холоден и высокомерен.

– Так я понимаю, услуг слесаря я от вас не дождусь. Засим позвольте откланяться.

Сел в машину и уехал.

– Не иначе, как за слесарем покатил. Привезет сейчас мастера, который ему замки в доме вскроет.

– Разве он имеет право?

– Если Толя ему дом продал, то имеет. Одного я в толк не возьму, как же Толя успел и в лес по грибы смотаться, и дом продать, и умереть... и все это в один день!

Кате с Фимой это тоже было непонятно. И ошеломленно покачивая головами, они побрели домой к Марине, чтобы у нее дожидаться возвращения вдовы из полиции и узнать у нее, станет ли для Татьяны продажа их с мужем дома таким открытием, как и для них троих. И что-то им всем подсказывало, что станет.

Татьяна появилась лишь спустя полтора часа и не одна, а в компании с полицейскими экспертами, которые жаждали обыскать дом на предмет обнаружения в нем следов того самого яда бледной поганки, от которого скончался Анатолий.

– Очень кстати, пойдемте с нами, будете понятыми, – сказал кто-то из полицейских Марине, которая тут же принялась докладывать полиции о том, что им удалось узнать от

Осипова.

Известие о том, что дом потерпевшего буквально за несколько часов до его смерти был продан, полицейские встретили с воодушевлением. Это давало им очередного крепкого подозреваемого и новую версию для разработки.

Татьяна же новость о том, что в своем доме больше не хозяйка, восприняла мужественно.

– Ну что же! – горько произнесла она. – Если надо освободить дом, то я готова. Хоть прямо сейчас уеду! После смерти Анатолия я тут и так не смогла бы находиться. И даже из вещей и мебели ничего с собой не заберу.

Фима уже успела obeжать весь дом и убедиться, что ни бронзы, ни дорогого фарфора, ни прочего антикварного барахла, которое вытаскивали по просьбе Татьяны из городской квартиры ее племянница с мужем, в этом доме не наблюдается. Где же находятся ценные вещи семьи Анатолия Петровича, если изначально везти их планировалось в Комарово? Раз их тут нет, значит, на полпути до Комарова планы у Татьяны поменялись, и она дала племяннице отмашку везти вещи еще куда-то. Но куда?

Можно было отметить, что загородный дом Анатолия был обставлен просто и лаконично, самой примитивной мебелью, купленной чуть ли не в «ИКЕА». Никаких дорогих безделушек тут не было и в помине. Внутри все было в стиле модного нынче минимализма. Никаких там тяжелых и богатых картинных рам на стенах, завитушек и резьбы на ме-

бели и узорчатых рисунков на обивке. Все это находилось где-то в другой жизни. Даже посуды коснулось это поветрие. Тарелки были чисто белыми и опять же простыми до невозможности. Даже вазы для цветов были гладкими или стеклянными. Таковую посуду при удаче и на распродаже можно было купить за сущие гроши в любом городском супермаркете. Впрочем, смотрелись они недурственно и в общий стиль этого дома попадали. А вот стоили все эти вещи совсем недорого, если и пропадут, так не жалко.

В конце концов, мелькающая в разных углах дома девушка привлекла к себе внимание следователя.

– Понятая, вам что на месте-то не сидится? – строго обратился он к ней.

Фима послушно вернулась к остальным.

– А куда же вы поедете потом? – спросила она у Татьяны. – Вернетесь вместе со мной в свою городскую квартиру?

– Туда я тоже больше ни ногой, – горько произнесла вдова. – Поеду к себе.

– К себе?

– У меня до замужества с Анатолием имелась собственная квартирка. К счастью, я ее не продала и не сдала. Вот туда я и вернусь.

– Ваши родственники забыли журналы и пуфики. Мы с тетей их приберегли. Вы их заберете?

– Деточка... Мне сейчас не до пуфиков.

– А журналы?

– Что же, журналы я бы взяла, – оживилась Татьяна. – Как они у вас оказались?

Фима объяснила.

И Татьяна, ничуть не смутившись, произнесла:

– Никому ничего нельзя доверять. Верно говорят, хочешь, чтобы было сделано хорошо, сделай сам. Где эти журналы?

– Они у меня. Я их вам отдам. Но зачем вы попросили вывезти все эти вещи? И куда?

– К себе, конечно.

– Но почему?

Татьяна сделала вид, будто бы не слышит и вообще занята другими делами. Но ответ на свой вопрос Фима получила оттуда, откуда и не ждала. От брата Павлика. Мальчик к этому времени уже вернулся из школы и позвонил Фиме с новостями:

– Тут у наших соседей новая движуха. Какие-то люди заезжают в их квартиру. С сумками, с узлами, со своей мебелью. Тетя пошла с ними поговорить, вернулся, оказывается, это наши новые соседи.

– В смысле? Квартиру сдали?

– Бери круче. Продали!

– Ничего не понимаю, – растерялась Фима. – Кто продал?

– Ну, кто мог продать. Дядя Толя и продал. Квартира-то ему принадлежала.

– А когда продали?

– Говорят, договор подписали вчера после полудня.

Фима была поражена и тут же побежала докладывать следователю.

Тот тоже ахнул:

– Еще и квартиру продали!

И повернувшись к Татьяне, спросил:

– А что же вдова скажет? Вы были в курсе этой сделки вашего мужа?

Татьяна попыталась потерять сознание, но ее очень быстро привели в чувство и потребовали ответа.

– Ах, оставьте меня в покое. Я ничего не знала!

– А ценные вещи из квартиры зачем вывезли?

– Меня муж попросил! Я тогда еще удивилась, зачем это надо и почему ко мне, а не сюда, в Комарово, но он сказал, что потом все объяснит. Очень меня просил, и я специально позавчера съездила в город, упаковала там все вещи, которые он настаивал, что нужно забрать. И вчера утром попросила племянницу, чтобы она пакеты и сумки перевезла бы ко мне домой.

– И вас даже не остановил тот факт, что ваш муж умер?

– Когда это происходило, муж был еще жив. Да, он уже плохо себя чувствовал, но мы не думали, что все настолько плохо. Пару дней назад муж тоже испытывал желудочное недомогание, у него и рвота была, и кишечник расстроился, но тогда все как-то прошло, своими средствами из домашней аптечки обошлись. А в этот раз... Мужу становилось все хуже, я вызвала «Скорую», и они его забрали.

– А как вы сами думаете, каким образом яд мог попасть к нему в пищу?

– Что за вопрос? – пожала плечами Татьяна. – У мужа диагностировали отравление токсинами бледной поганки. А мы вчера как раз утречком съездили за грибами. Много не брали, муж себя чувствовал все еще неважно, да и наелись мы уже за сезон, но ради удовольствия все-таки сходили.

– И вы их потом приготовили?

– Да, муж перебрал, почистил, порезал и отварил. А я потом приготовила для него жаркое.

– А сами вы его ели?

– Нет.

– Почему?

– У меня поджелудочная не в порядке, грибы я вообще стараюсь употреблять по минимуму. И потом я уже говорила, мы грибами наелись. Весь последний месяц через день едим на грибалку, грибов полно, ели их вволю, надоело. Сейчас я бы рыбки или мяска с удовольствием покушала. А грибы, пусть даже и белые, я уже видеть не могу.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.